

• Памятники Тверской провинции

Миронычу с почтением

Памятник Сергею Мироновичу Кирову был открыт в Торжке, на площади 9 Января, в 1937 году. Он выполнен из бетона, а пьедестал – из гранитных камней разного цвета. Общая высота памятника – 7 метров. Авторы – А.М. Бразер и Ф.Н. Андреев. Вот краткие сведения о них. Советский белорусский скульптор, график и живописец. Абрам Маркович Бразер родился в 1892 году. Погиб в 1942 году в Минске в еврейском гетто.

Фёдор Никифорович Андреев родился в 1899 году (год смерти неизвестен). В 1922 году окончил курс в Свободных художественных мастерских в Рязани (РСХМ), затем учился в Москве на архитектурном факультете ВХУТЕМАСа.

В Торжке памятник Кирову в войну сохранился, несмотря на то, что в октябре 1941-го находящийся поблизости Гостиный двор был разрушен фашистской авиацией. После войны остовы корпусов Гостиного двора снесли и на этом месте разбили сад. Его стали называть Кировским садом. В 1966 году памятник Кирову реставрировали.

« НЕ ПРЕДАМ Я

ТИХОЙ ВЕРЫ... »

Валерий Мухин

г. Псков

Валерий Михайлович Мухин родился 8 июня 1942 года, малая его родина пос. Кесьма Весьегонского района. Жил на Украине - в г. Ворошиловграде (Луганске) и г. Дружковке, поселке Ярега Коми АССР, г. Сестрорецке Ленинградской области, г. Пушкинские Горы Псковской области. В г. Пскове живет с 1957 года. Окончил индустриальный техникум, музыкальное училище, Ленинградский политехнический институт. Работал пианистом и певцом в эстрадном оркестре, руководителем хора, преподавателем в школе и ВУЗе, ведущим конструктором и заведующим сектором на заводе. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей России, член объединения художников городского Культурного центра.

КРАЙ РОДИМЫЙ

Край холодный, край печальный,
Край холмистый, край долинный,
Снова слышу плач прощальный
Дикой стаи журавлиной.

Край былинный, край великий –
Даль глаза мои туманит.

Снова слышу голос дикий,
Тот, что сердце не обманет.

Край родимый, край туманный!
Я покоя не нарушу –
Грустной песнею желанной
Береги мне тихо душу.

Край обманутый и серый...
Даже буду есть мякину –
Не предам я тихой веры,
И тебя я не покину.

Край берёзово-ольховый,
Через плач и через пенье,
Вижу новый свет духовный,
Вижу новое цветенье.

* * *

Цветы стоят в литровой банке
На гладком письменном столе.
Я сам их срезал спозаранку,
И вот – стоят они в тепле.

В них что-то жаркое от солнца
И от улыбки лучевой...
Я напоил их из колодца
Водой прозрачной ключевой.

И льется музыка цветная
От гладиолусов живых...
Смотрю, восторга не скрывая,
Заворожен, что слышу их.

И словно таинство свершая,
С домашним свыкнувшись теплом,
Цветы стоят, преображая
И дом, и дождик за окном:

И красят мысли спозаранку,
А с ними- все, что на земле...
Цветы стоят в литровой банке
На гладком письменном столе.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

* * *

Маме

Воевали и землю пахали.
Хоронили дедов и отцов
На избитой земле вековали
Утешали измученных вдов.

Обували корявое лыко.
И тонули в российской грязи,
Ну, подумаешь, горе велико:
Коли впрягся в оглобли – вези!

Хоть бессменной была телогрейка
И в дожди, и в звенящий мороз,
Берегли трудовую копейку
И Россию жалели до слез.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЗИМА

Зима сведет меня с ума,
От снега – голова хмельная...
В огромном городе зима
Лежит, как тяжелобольная.

И только здесь, где хоры звезд,
Когда душа угомонилась,
Еще стоит хрустальный мост
Туда, где дышит Божья милость,

Творя невидимой рукой
Неразделимое единство.
И на земле царит покой
Сыновности и материнства.

Здесь неподдельны голоса,
Нетленны и слова, и краски,
И не пропали чудеса
Непрекращающейся сказки.

И только здесь они даны
В гармонии и совершенстве.
И под началом тишины
Душа купается в блаженстве.

И только здесь, где корни все:
В деревне, в поле, в перелеске –
Живет зима во всей красе.
Во всем величии и блеске.

* * *

Я не слышал земли под собой,
Даже ног под собою не чую, –
С ликованием бежал за судьбой.

По родимым ухабам кочуя.
А теперь я за это плачу
И, ругая кривые дороги,
Оглушенное сердце лечу
И разбитые радостью ноги.

СТРАХ

В неволе горем напоённой
В поросших дикостью горах.
Живет в глубинах затаённый
Перед судьбой животный страх.

Взойдет ли день, вспоёт ли птица.
Иль зазвонит пасхальный звон? –
Он не уйдет, он шевелится,
Как будто бы кошмарный сон.

И в год, когда тучнее колос
И урожайный день грядет.
Животный страх свой хриплый
голос

Из преисподней подает.

Грозят, и грабят, и воруют,
И убивают... Не проси
Его исчезнуть – он пирует.
Ведь он – хозяин на Руси.

Необъясним и неуместен.
Живет он нами, нас любя:
Чем меньше беден ты и честен,
Тем больше страха у тебя.

* * *

Порой безбожья и безверья
Россия мечется в бреду.
И сам в болезни – словно зверь я.
Скользя и падая, бреду.

Россия, ты ли не устала
Сжигать подопытный народ?
Тебе семнадцатого мало –
Изволь, двухтысячный идет.

Твоя ль река остановилась –
Забыты устье и исток?
Над тем, за что ты смертно билась,
Смеются Запад и Восток.

А ты вкусила их разврата
И, как распутница в миру,
Шлешь восставать на брата брата
И на панель зовешь сестру.

* * *

Не может утопия сбыться.
Разрушены замки давно.

Куда же могло провалиться
То царство? – понять не дано.

И только дано ощущение.
Что в самой пропащей глуши
Настанет пора очишенья
Заблудшей и падшей души.

И чистая вера вернется.
Излечит от ложных забот,
В измученном сердце проснется
И в грешной душе оживет.

Как нищий берет подаянье,
Возьму эту кроху тепла,
И в сердце впущу покаянье,
Чтоб злоба не выжгла дотла.

* * *

Всё пройдет... И, мечтою обманут,
Превратишься в того, кем ты был.
Как надежды любимые канут, –
Всё пройдет, что ты так полюбил.

И улыбка единственной милой,
Словно жаркое лето, пройдет.
Белый день непонятно силой
Непонятно куда унесет.

И напрасны любые старанья
Возвратиться обратно на свет.
И наступит такое изгнание,
Из которого выхода нет.

* * *

В тишайший час вечернего заката
Мне хочется тебя благодарить,
Когда из сердца в мир как будто
нить,
Незримая, уходит без возврата.
Уходит с нежным таяньем в крови.
И вместе с тем раскручиваем
робким

Уходит все. Попробуй позови
Его назад. По травам и по тропкам
Оно уходит дальше – в никуда.
Но радость от его исчезновенья –
Как будто от желанного труда,
Живущего в ладонях вдохновенья.
Когда из сердца в мир уходит нить,
Которой столько связано и взято, –
За все хочу тебя благодарить,
За все, что так прекрасно! –
Без возврата.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 53 (сентябрь)).

Письмо пятидесятое

Проснулся я внезапно. Вышел на крыльцо. Стоит тихая влажная ночь. Тепло. Ни ветерка. Поет соловей. Покой. Еле брезжит рассвет нового дня. Жизнь... Настоящая жизнь. В такие минуты ты со всей мощью и начинаешь понимать, что живешь. Такое же ощущение возникает когда зимой, в глубокой тишине дома потрескивает горящая печь. Я люблю, когда она горит тихо, постепенно набирая запасы тепла.

Так и сейчас, в эти минуты. 2 часа ночи. Еще немного и проснется гомон весеннего леса, а пока еще ночь, тишина и... соловей. Господи! Какой удивительный мир ты дал нам, людям! Как он прекрасен! И как коротка наша суетная жизнь, а как бессмысленно мы тратим ее драгоценные мгновения.

Тихо, тихо по молодой еще листве начал накрапывать мелкий дождик. Просто какая-то лесная симфония. Вот-вот вступят новые инструменты, а пока на фоне еле слышного дождя звучит голос певца-солиста.

В эти мгновения ты, вдруг, понимаешь, как прекрасен воздух которым мы дышим. Нет, не

Письма сельского почтальона

дышим, глубоко пьем его. Это та жизненная сила, которую дает нам Господь. «Слава Тебе господи! Слава Тебе!», – рвется из груди.

Соловей умолкает, уступая на мгновение пространство второму голосу, появившемуся как бы из потустороннего мира – это кукушка. И снова тишина. Время для размышления. Поют они, конечно, каждый о своем, но для меня это дуэт, где их объединяет одно зовущее и одновременно ожидающее состояние.

Вчера днем прилетела наша ласточка. Я поставил на залобке дома новую дверь и врезал чердачные окна. Очевидно, это ее смутило. Она несколько раз «заходила» на просвет, который я каждую весну им открываю, и никак не решалась сесть. Наконец тихо подлетела и как бы вошла под крышу. А через минуту появилась уже как хозяйка. Теперь влетает сходу, как всегда.

Верба в этом году с длинными концами без сережек. Это примета долгой весны.

Дожили мы таки до весны, до Пасхи! До Воскресения Христова. Вот уже и лето, а рядом параллельно вошла смерть. В пасхальную неделю умер еще один сосед. Умер, как умирают крестьяне. Фактически он умер в лодке, с сетью в руках. Потом была «скорая», была больница, но он так и не пришел в сознание. Точка его жизни была поставлена на обычном, повседневном трудовом пути. Один на один с Богом, озером, природой. Среди дела, созданного своими же трудами. Вечная память очередному русскому труженику, вырастившему детей, построившему дом, взрастившему сад. Пустеет еще одно родовое гнездо на русской земле. Детей-то своих он пожертвовал молоху-городу, как и большинство жителей нынешней деревни.

Я все чаще и чаще ощущаю в душе неприязнь к т. н. «образованию». Что дает оно человеку? И это не праздный вопрос. Грамотный и образованный человек, это для меня, как говорят «Две большие разницы». Сколько людей бессмысленно получают дипломы и никогда не работают по специальности, выкинув пять лучших лет своей жизни. За это время можно и дом построить и семью создать и троих детей родить. Иными словами — выполнить главное свое предназначение. Главное! Без этого вся жизнь остановится и станет бессмысленной. На земле это и есть главное. А чтобы измерить температуру земли весной только не живущим на этой земле ученым нужны всевозможные приборы да градусники. Крестьянин же садится на межу голым задом, и я не знаю, чей инструмент будет вернее... Землю-то, ее любить и чувствовать надо. Любить и чувствовать. Тут образование городское вряд ли поможет. Для этого надо жить на земле и от земли. Образование-то нужно тем, кто хочет указывать, когда ехать пахать. Но Россия кормила мир пшеницей, когда академии имени Тимирязева и в помине не было. Зато люди жили на земле, дорожили ей, деревни были многолюдными, а семьи – многодетными.

У меня постоянно возникают вопросы, на которые я все меньше и меньше нахожу ответов. Вот наши архитекторы с большими высокими образованиями строят дома, крыши которых обрушиваются все чаще и чаще. А купол храма святой Софии до сих пор цел, при его огромном диаметре, пирамиды египетские

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3)

стоят тысячелетия и... никаких высших образований. Просто были знающие свое дело люди. И Леонардо да Винчи никаких академий в нынешнем их понимании не заканчивал, учился на опыте великих своих современников. Я сейчас как начну перечислять всех России, Кваренги... бумаги не хватит. Если Бог не дал, никакая академия не добавит. Она дает профессиональных наполнителей всевозможных учреждений и ведомств, которые, объединяясь в касту чиновников, вырабатывают свою идеологию и убеждают окружающий мир в своей необходимости.

Сколько людей, закончив консерватории, мотаются по всевозможным конкурсам, но даже будучи вполне виртуозно технически обученными, они не становятся музыкантами. Так может все это и не нужно, простите за нескромный вопрос?

Может гении-то растут не благодаря кое-каким педагогам, а вопреки им? Тот же купеческий сын Константин Алексеев (Станиславский) создал театр МХАТ, не оканчивая никаких театральных ВУЗов. Походил по любительским студиям, увидел фальшь и безвкусицу. Нет, говорит, – «Я ВЕРЮ» – и создал систему, по которой еще не один век будут постигать тонкости профессии актеры всего мира. Вот его-то театр и стал академией...

А сколько же денег уходит на весь этот «научный» аппарат. Когда я работал в Перми, был у нас директором театра лучший из

оперных директоров России – Ходес Савелий Григорьевич. Так он порой говорил в сердцах: «Когда я был директором «уральского куста» театров, (а это Пермский, Свердловский и Челябинский оперные театры) – то у меня был один бухгалтер. Мы вдвоем решали все проблемы. У него под мышкой был огромный портфель, где и находилась бухгалтерия всех трех театров. А сейчас в каждом из них сидят и главбух и зам. главбуха, и главный экономист, и старший экономист, и старший кассир, и еще два билетных кассира. Представляете сколько лишних денег приходится платить? Лучше в хор 10 дополнительных голосов взять. Но никого не уволить. Профсоюз не даст».

Вот и нынче огромная масса этих ненужных «спецов» создала свои кланы, системы, корпорации и снова они у власти.

Если посмотреть несколько со стороны на эту удешевляющуюся за годы перестроек прослойку, то можно представить себе днище корабля, облепленное многометровым слоем всевозможных рачков, полипов, паразитов и прилипал. С мостика-то их не видно, но хода кораблю они не дают. Тормозят. И сколько бы капитан не менял боцманов, стармехов, гонял палубную команду, подкрашивал надстройки и менял государственные флаги, полипы все это время припеваючи живут невидимые под водой, плодятся и сверлят, разъедают дно корабля...

Так же как и все наши «реформы». Это инструмент разрушения. Они раскачивают и расшатывают

все, куда проникают. Но нам внушают, что «полипы» это хорошо. Конечно для них и деньги и новые рабочие места, (правда не для плотников, пастухов и земледельцев), удобные кабинеты, новые фонды, академии, институты «исследования мнения об отношении к завершению нахождения и происхождения завершающего взаимоотношения», одним словом – «Рога и Копыта». И все требуют денег. Причем все эти метафоры стократно описаны в истории. Они всегда одни и те же. Но если внимательно присмотреться, что они плодят в этой самой истории, то увидим там одни расколы, войны, распад и разруху, гибель для народа. Народу реформы не нужны! И никогда не были нужны. Петр создал крепостное право. Александр его отменил. А причем здесь народ? И так во всем.

Хочется напомнить слова академика Келдыша: «Создавай, не разрушая». Но разве это авторитет для разных горбачёвых и ельциных? Да они его наверняка и не читали. Как тот же Хрущев не читал «Войну и Мир» или «Анну Каренину», где описаны все выборы, реформы сельского хозяйства и т. д. Для чего же нам опыт прежних поколений? «Беда, коль сапоги начнет тачать сапожник...» А пока, как любил повторять «вождь и учитель всех народов»: «факты – упрямая вещь». Россия была великой мощной державой, а сейчас только огрызается, пытается встать на ноги.

Все. Приезжай! Твой Д.ВА.

июнь 2005

Посвящен Гумилеву

В Бежецке прошел концерт Геннадия Пономарева «Песни поэзии». «Замечательный человек, композитор, музыкант, певец, поэт, муж Жанны Бичевской, он регулярно выступает со своими сольными концертами в разных городах России. В песнях и музыкальных композициях он несет слушателям любовь к родной земле. Невероятный голос, интеллигентность, скромность и несомненный талант», - так отзывались о событии бежечане.

• Литературное краеведение

«И НАД СЕРДЦЕМ МОИМ ЗОЛОТОЙ ПРОПЛЫВАЕТ ХОРАЛ...»

Образ храма в лирике Николая Тряпкина

«Не бездарна та планета, // Не погиб ещё тот край, // Если сделался поэтом // Даже Тряпкин Николай», – вот так с озорной и добродушной самоиронией, без малейшего намёка на бахвальство отозвался о себе русский, подлинно народный поэт, наш земляк Николай Иванович Тряпкин (1918–1999). Он ни разу не сетовал по поводу своей непритязательной фамилии и не предал родовую память, когда при публикации первых стихов в журнале «Октябрь» осенью 1946 г. ему настойчиво рекомендовали подобрать псевдоним, да позвучнее: ну какой же это поэт может зваться Тряпкиным?! Но ведь не имя красит человека, а наоборот. Эта непритязательная, грубоватая фамилия прославилась русскую поэзию XX века. Книги Николая Тряпкина наполнены дыханием величавых и трагических времён, множеством непохожих одна на другую тем и удивительно самобытными образами. Среди последних выделяется образ храма, который с полным правом можно считать мировоззренческим компонентом, а также важной содержательной и эстетической доминантой его лирики.

Критик Сергей Куняев отмечал: «С годами выявлялся определяющий мотив творчества Николая Тряпкина – мотив Памяти. Памяти, несущей в себе всё тяжёлое, трагическое, надрывное, что сосредоточилось в истории ухода в экзистенциальное небытие русско-крестьянства и его самобытной культуры. Эта тема дала себя знать не сразу – должно было пройти время, прежде чем пережитое, накоплен-

ное стало воплощаться в стихи».

Поэт, с одной стороны, любил повторять, что он ровесник советской власти, т.е. из «поколения Октября»: «И гремело: “За власть Советов!” // У истоков моих начал»; «А на куртках у нас Ильичёвы краснели значки». С другой, он родился в тверской деревне, в крестьянской семье, т.е. принадлежит к среде, хранящей патриархальные традиции, многовековой трудовой уклад и народную культуру: «А ведь были – крестьяне. И все наши копны и гряды // Не давали нам скидок в положенном круге своём»; «И в густейшем укропе тонули все наши усадьбы, // И в пасхальных качелях звенели все наши дворы. // А по свежим снегам проносились весёлые свадьбы, // И пестрели на санках дерюжные наши ковры...»

Действительно, значимые произведения, центром которых явился образ храма, были написаны Н. Тряпкиным только в 1982 г. в рамках цикла «Из семейной хроники». Пережив и переосмыслив многое, он остро ощутил душевный разлом из-за крушения прежней крестьянской жизни – напряжённо трудовой, но привычной и гармоничной. При этом поэт, по словам С. Куняева, «поразительной силой художественного дара сумел удержать в равновесии светлые и тягчайшие воспоминания, не дав перевеса ни одному из них».

Глубочайший трагизм разрушения православного храма передан с большой эмоциональной глубиной в автобиографическом стихотворном рассказе-воспоминании «Стихи о борьбе с религией»

(1982). Отец поэта, вернувшись «с трудового ристанья» получает задание «завтра храм разгрузить. Пресвятых раскулачим слегка». Но это не просто деревенский храм, не деталь ландшафта: А за полем вечерним, расправив закатные крылья Византийское чудо сияло в багряной пыли.

Словосочетание «в багряной пыли» наполняется несколькими смыслами: багряный символизирует жертву Христа, а пыль предвосхищает грядущее полное разрушение чуда, обращение его в прах. Храм здесь ещё не только один из символов православной России, воздвигнутый на деньги народа («...по грошику собранный в долах Отчизны моей»), но и воплощение архитектурной красоты: Я любил эти главы, взлетавшие к высям безвестным, И воскресные звоны, и свист неумных стрижей. Этот дедовский храм, украшавший всю нашу окрестность И всю нашу юдоль освящавший короной своей!

Поэт абсолютно честен в показе своего тогдашнего юношеского отношения к вере: «Нет, не с Богом я был и не в храме стоял

(продолжение на стр. 6)

(начало на стр. 5).

деревенском...» Однако, став невольным свидетелем одного из многих эпизодов «борьбы с религией», он навсегда сохранил в памяти сердца жуткую картину санкционированного властями варварства: И пришёл я туда – посмотреть на иную заботу!

Не могу и теперь позабыть той печальной страды, – Как отцовские руки срывали со стен позолоту, Как отцовский топор оставлял на иконах следы.

Изломали алтарь, искрошили паркетные плиты, И горчайшая пыль закрывала все окна кругом. И стояли у стен наши скорбные тётки Улиты, Утирая слезу бумагой своим лоскутком.

Поэт испытывает стыд и за себя, и за своего отца, который, очевидно, чувствовал, что совершает надругательство над верой: А потом я смотрел, как дрожали отцовские руки, Как напарник его молчаливо заглатывал снесь... Ничего я не взял, ни единой припрятанной штуки, И смотрел по верхам, чтобы людям в глаза не смотреть.

<...>

И смотрел я туда, где сновало стрижиное племя, Залетая под купол, цепляясь за каждый карниз. И не знал я тогда, что запало горчайшее семя В это сердце мое, что грустило у сваленных риз.

И промчатся года, и развеется сумрак незнанья, И припомнится всё – этот храм, и топор, и стрижи, – И про эти вот стены сложу я вот это сказанье

И высокую Песнь, что споётся у этой межги.

Так в лирике Н. Тряпкина рождается мотив покаяния, облечённый в молитвенное обращение к Богу: «Ты прости меня, Боже, за поздние эти порывы // И за этот мой горестный крик».

Столь же трагична и величественна в своей тональности «Песнь о российском храме» (1982). Название символично, во-первых, потому, что в «Песне...» нет конкретной географической привязки («Посредине села, да у тех ли базарных рядов» – это обобщённая пейзажная деталь дореволюционного русского села), во-вторых, судьба этого храма сродни тысячам остальных, уничтоженных в России после 1917 г. Красотой и величием он уподобляется собору Святой Софии в Константинополе, символу «золотого века» Византии: Он стоял здесь давно, золотясь в поднебесной прохладе,

Посредине села, да у тех ли базарных рядов, Он стоял здесь не хуже, чем главный собор в Цареграде, И держал бы осанку на стогах любых городов.

Поэт подчёркивает неотрывность храма (= православия) от нашего национального менталитета, всего хода русской жизни в её радостных и печальных событиях; храм даже персонифицируется, попеременно наделяясь качествами и человека, и вольной птицы: Он стоял величаво, ухоженный лептой народной, И, как белый Архангел, вздымался над грешной землёй, И зимою и летом, мерцая во мгле непогодной, Он держал свою вахту, как верный собрат-часовой.

А во дни торжества он, как птица, и гордый, и вольный, И царил, и парил, не жалея воскрылий своих,

И гремел голосами, и грохал жезлом колокольным, И всю распукался хвостом перезвонов цветных.

И стоял он, бессменный, у каждой незримой печали, И любые восторги он гласом своим освящал. И под знаком его здесь рождались, любили, хворали, И под знаком его покидали свой грустный причал.

Во второй части стихотворения, наполненной мрачно-экспрессивной метафорикой, изображается осквернение и последующий взрыв храма: Но пришли времена – и замолкли здесь медные гулы, И поднялся над ним растревоженный галочий хор. И свернули ему динамитом кирпичные скулы, И сорвали с него золотой поднебесный убор.

А потом, в сенокос, когда сохли болотные кочки, Подогнали к нему, как волов, тягачи поутру, И вкатили туда под него громонозные бочки, И под стены его грозовую пустили искру.

Для поэта – сокрушение этого храма означает гибель прежнего русского мира (мира): И закончился век твой пресветлой земной эпопеи, И навеки ушла та лебязья пречистая статья. И лежал он в пыли, как виденье погибшей Помпеи, И тот горестный прах чернобыльником стал зарастать.

Однако расчищенное место не пустует. Н. Тряпкин с явным сарказмом акцентирует внимание на убогости (даже внешней – материальной) вновь сооружённого советского «арт-объекта»:

(окончание на стр. 7).

(начало на стр. 5-6).

*А теперь здесь горят, служа
всеобщему благу,
Вымпела на шестах да рекламы из
ярких фанер.*

Обратим внимание на следующий момент. Камни от разрушенного храма могли быть использованы при укладке дорог или мощении улиц и тротуаров, т.е. более-менее по-хозяйски (что чаще и делалось). Их же убирают «в самый дальний болотный карьер» (скорее всего, подразумеваются торфоразработки). В славянской мифологии болото является символом смерти, в народных поверьях рассматривается как место обитания нечистой силы; таким образом поэт полунамеком оттенил антиправославную суть власти, приказавшей не только уничтожить величественный храм, но и святотатственно осквернить его останки.

В финале стихотворения Н. Тряпкин, сумевший «повенчать в своей душе ощущение единства и разлада» раскрывает своё понимание миссии поэта: сохранение духовной связи не столько времён, сколько поколений:

*Только снятся порою удары
вечернего звона,
И над сердцем моим золотой
проплывает хорал.*

*И храню я, как память, те притчи
царя Соломона,
Что когда-то я там, среди
мёртвых камней, раскопал.*

*И пускай моя песня воскурится
славой свободной*

*И восходит, как миф, на высокой
волне ветровой...*

*Он стоял здесь, как свечка, пред
лицом земли непогодной*

*И держал свою вахту, как верный
собрат-часовой.*

Александр Бойников,

*член Союза писателей России,
г. Тверь*

• Мнение

Туризм: вспомнить забытое старое

В последнее время много говорится о развитии в стране внутреннего туризма. Готовятся какие-то проекты, выделяются гранты, поощряются победители. Туризм преподносится властью как новое направление в организации бизнеса – как принято ныне говорить – тренд. А толку-то особого, на мой взгляд, пока нет. Потому что если развивать туризм как бизнес, требуются огромные финансовые затраты на создание современного сервиса. У дотационной Тверской области таких средств нет, а существующий бизнес вкладываться в эту отрасль не спешит. Господа-бизнесмены понимают, что народ наш не имеет достаточных средств, чтобы этот бизнес был прибыльным. Проще наваривать «бабки» на торговле (наценка в сетевых магазинах достигает в среднем 48 процентов), заготовке леса, песчано-гравийных карьерах.

Между тем еще на раннем этапе советской власти в Советском Союзе, в том числе в Тверской области, выполнялась конкретная и объемная работа по развитию внутреннего туризма. О бизнесе, как сейчас, речи не шло. На первое место ставилось повышение культурного уровня наших граждан, прежде всего молодежи, их приобщение к активному, полезному для здоровья отдыха, и это было здорово. В моей библиотеке имеется ставший библиографической редкостью экскурсионный сборник (выпуск II) «Дальние экскурсии по Тверской губернии». Он состоит из очерков А. Вершинского, А. Ильинского и Л. Никонова. Издан (под редакцией А. Вершинского) в Твери в 1928 году Обществом Изучения Тверского Края. В сборнике подробно описаны 11 маршрутов: экскурсия на верховья Волги, экскурсия Селижарово - Ржев, экскурсия от Ржева до Твери, экскурсия

от Твери до Кимр, экскурсия Тверь – Калязин и т.д. Рассказывается об истории населенных пунктов, памятниках культуры, приводится карта моренных гряд области, карта Оршинско-Петровских озер, описываются особенности почвы, производства и кустарные промыслы, типы лесов. Для удобства путешественников в «справочном отделе» сборника приведены списки литературы для дополнительного изучения того или иного экскурсионного маршрута, расстояния между городами и селами на этих маршрутах, виды транспорта (пароход, железная дорог), которыми можно воспользоваться, и стоимость проезда.

Думается, опыт того времени мог быть крайне полезным для тех, кто отвечает за развитие туризма в Тверской области. Без особых затрат, без лишней шумихи энтузиасты Общества Изучения Тверского Края делали большое, важное общественное дело. Читая этот увлекательный сборник, появившийся почти сто лет тому назад, я вспоминаю слова Льва Николаевича Толстого: «Бери готовое и иди дальше». То есть, зачем заново изобретать велосипед, если он давно изобретен. Вот только мне кажется, что общество в наши дни настолько развращено деньгами, личным прагматизмом и поражено падением профессионализма, что, наверное, уже некому создать цикл подобных недорогих массовых сборников.

Где вы, энтузиасты, подобные А.Н. Вершинскому и его единомышленникам из некогда существовавшего Общества Изучения Тверского Края?

С. Николаев,

г. Андреаполь

• Литературное краеведение

Вечные истины Геннадия Немчинова

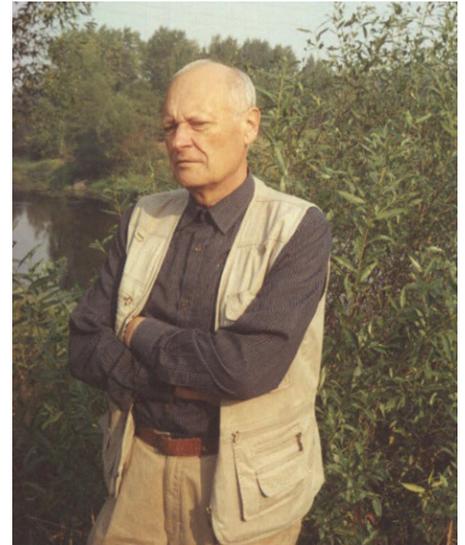
ГЕННАДИЙ Андреевич Немчинов, с которым мы были хорошо знакомы, – человек интересной судьбы. Родился 31 августа 1935 года в поселке Селижарово на Волге. Как потом писал: «На Волге живу и теперь – над вечной рекой жизни». Среднюю школу окончил в Селижарове в 1953 году. Сразу же поступил в Ленинградский государственный библиотечный институт, который и окончил в 1957 году. В то время в нем уже прорезался талант журналиста-газетчика, краеведа, приведший на писательскую стезю. В своей автобиографии Геннадий Андреевич отмечает: «Заглядывая в былое, вижу, что в молодости всё лучшее, по силе впечатлений и охвату жизни мыслью и чувством, за исключением детства и юности, которые всегда у нас в жизни вне конкурса – связано с газетами и друзьями, с которыми работал в них. А газеты – это целых десять лет жизни: районная, так называемая межрайонная, республиканская. Селижарово, Осташков, Кишинёв. Был еще небольшой временный промежуток в Улан-Удэ: 1957-1958 годы».

Первые рассказы он напечатал в 1958 году в газете «Верхневолжская правда». Первая книжка «На окраине Песочинска» вышла в 1969 году в Кишинёве. Произведения печатались в журналах «Кодры» (Кишинёв), «Москва», «Наш современник», «Горизонт». В 1972 году Геннадий Немчинов был принят в Союз писателей СССР. Это дало новый импульс

творчеству. В 1971–2007 годах вышли книги Геннадия Андреевича «Лесной коридор», «Берега тихих рек», «Однокашники», «В конце века», «Времена жизни», «Когда мы были вместе», «Страсти и искушения», «Пролет теней», «Смертные», «Под сенью крыла», «Вечный дом». В 2004–2005 годах – трехтомное собрание сочинений.

Последние годы своей жизни он провёл в Твери. Вот строки из письма, написанного мне Геннадием Андреевичем 26 января 2004 года: «Земляки с большим опытом жизни, знаниями и склонностью к изучению родного края с пристальным благороднодеятельным интересом приносят, конечно же, большую пользу всему, что наше общее: Селижарово, деревни, семья, наше прошлое и настоящее, люди Селижаровской земли, предки, современники... Летом я часто бываю в Селижарове, езжу по району. Сейчас администрация района предложила мне подумать о втором томе книги «Вечный дом». Очень возможно, что возьмусь за эту работу. Вам скажут, где меня разыскать в летние месяцы: редакция «Верхневолжской правды» обычно в курсе моих дел. Тогда можем встретиться и поговорить».

Жаль, не удалось нам более с ним пообщаться. А до этого письма не раз я беседовал с Геннадием Андреевичем и в редакции «Верхневолжской правды», и была еще встреча в Оковцах 24 июля 2003 года на знаменитом на всю Россию Святом Ключе в Явленную. После душевной беседы мы сфотографировались на память. Остались воспоминания, связанные с

этим подвижником родного края. Помню ещё в свои школьные годы учебы в Оковецкой средней школе, я читал первые рассказы начинающего тогда журналиста и писателя в «Верхневолжской правде». Это была любимая газета в нашей семье, и все статьи, репортажи, очерки, рассказы, зарисовки Геннадия Андреевича Немчинова мною были всегда прочитаны.

Потом я и сам стал ему подражать и писать статьи в «Верхневолжскую правду» и другие газеты. Даже подумывал, равняясь на Немчинова, не стать ли мне газетчиком-журналистом. Мой старший брат Карандашов Валентин Дмитриевич, художник, член Союза журналистов СССР поддерживал эту идею, но учеба в Рыбинском лесном техникуме, служба в Военно-Морском Флоте кадровым офицером изменила мои взгляды и позиции. Тем не менее я не бросал перо, везде и всегда много писал, сотрудничал с различными военными и гражданскими газетами и журналами, участвовал в различных литературных объединениях, издавал книги. В 2007 году был принят в Союз писателей России. До сих пор считаю, что журналистское и литературное наследие земляка-селижаровца Геннадия Немчинова сильно повлияло на моё мировоззрение в целом, привив не только

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

любовь к журналистике, но и духовным ценностям русской деревни, нашего селижаровского края.

В этом смысле особенно важной для себя считаю краеведческую книгу Немчинова «Вечный дом». Геннадий Андреевич отмечает, «что главными героями должны быть люди, а не статистика, география, история, краеведение». Продолжая литературную деревенскую традицию Федора Абрамова, Валентина Распутина, Г. Немчинов обращается к простому мудрому труженику земли Селижаровской. Рисую словом дела и судьбы людей верхневолжской деревни во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, Геннадий Андреевич представляет в «Вечном доме» широкую галерею портретов-селижаровцев. Простых крестьян, сельских учителей, помещиков, руководителей хозяйств и района, военачальников Великой Отечественной.

Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров, Герой Советского Союза, уроженец деревни Скворово Дубровского сельского округа, работал в сельском хозяйстве, гонял плоты от Верхней Волги до Твери. Незаурядный танковый военачальник П.А. Ротмистров приезжал в Селижарово в декабре 1971 года, это было большое событие в жизни района. Встречали его с почестями. Ему было присвоено звание «Почётный гражданин поселка Селижарово». В честь его Заволжская набережная переименована в улицу Ротмистрова. У железнодорожного вокзала установлен памятник-танк Т-34 в память о прославленном земляке.

Г.А. Немчинов сердечно припоминает свою встречу со знаменитым председателем колхоза им. В.И. Ленина на нашей Селижаровской земле Марией Сергеевной Мосягиной. За умелое руководство колхозом она была удостоена высшей государственной награды

– ордена Ленина. Немало тёплых слов сказано писателем о прославленной Марии Григорьевне Волковой, председателе колхоза им. М.В. Фрунзе, награжденной орденом Трудового Красного Знамени. Без малого 40 лет с полной отдачей трудился председатель колхоза им. М.И. Калинина Алексей Григорьевич Зилов. Многие для развития района сделал Герой Социалистического Труда экскаваторщик Аркадий Васильевич Савин.

В Голенкове, Березуге хранят благодарную память об отставном капитане, местном помещике Александре Павловиче Ветлице. На его деньги была построена уникальная Никольская церковь, сохранившаяся и донныне, и Березугская школа. Помещица Екатерина Ниловна Извекова из Выпрягова подарила свой дом земству для крестьянских детей. Дом-школа окажется вечным для Елизаветы Дмитриевны Плясовой, сельской учительницы, выпускницы Осташковской гимназии. И вообще, центральная тема «Вечного дома» – школа, школьный учитель, педагогическая культура, воспитание во все времена.

Елизавета Дмитриевна Плясова, Мария Сергеевна Антонова-Садова, Иван Иванович Травкин, Галина Николаевна Осипова, Михаил Фёдорович Веткин, Николай Яковлевич Лесняк – великие школьные учителя-подвижники. Они оставили глубокий след в сельской педагогике, в обучении и воспитании многих поколений селижаровцев. Учителя-словесники, историки, географы, биологи, математики, физики, химики заложили основы мировоззрения своих учеников. Ориентируясь на школьного учителя, все мы были в поиске будущей профессии, стремились им подражать и быть такими же мудрыми, как и они. Высокая педагогическая культура, духовность передались и детям, вызвав ответное и благодарное желание следовать тому же: быть на высоте в этой жизни, в учёбе, в рабо-

те. «Великое дело – избранная по душе профессия» – отмечает Г.А. Немчинов. В Дружной Горке, в Сосноватке, в Пустошке, в Оковцах и в других наших деревнях помнят и уважительно называют учителей, которые работали и когда-то учили в них. Г.А. Немчинов спросил в отделе народного образования: «Сколько же у нас учителей старшего поколения, отдавших служению маленькой деревенской школе всю свою жизнь? Есть ли список их – не для каких-то формальностей, а, чтобы всегда о них помнить, поздравить в юбилей, справиться о здоровье, помочь в трудную минуту... Как выяснилось, такого списка увы нет. Неизвестно, сколько же таких учителей здравствует, где живут и как живут. Хотя о тех, кого помнят, инспекторы говорят с большим уважением и пониманием, какую роль сыграли эти люди... Надо бы проявить и большую заботу, и просто любопытство.»

Маленькая школа еще существует. Делает свое большое дело. И помнить об учителях, работавших и работающих в ней – это значит помнить роль такой школы в жизни и всего общества, и нашего района в частности. Занимаясь военной педагогикой вот уже тридцать восемь лет, я с благодарностью вспоминаю своих первых школьных учителей из Рыловской и Оковецкой школ. Марию Дмитриевну Прохожаеву, Лидию Петровну Мартынову, Клавдию Ивановну Лебедеву, Сергея Петровича Рысева, Владилена Николаевича Гумилина, Бориса Васильевича Скворцова и многих многих других. Они первые определили мировоззрение, дали нравственно-психологическую путевку в жизнь, помогли определить цели и ценностные ориентиры жизни.

Обращаясь к прошлому, Г.А. Немчинов остро раскрывает и проблемы современности, прежде

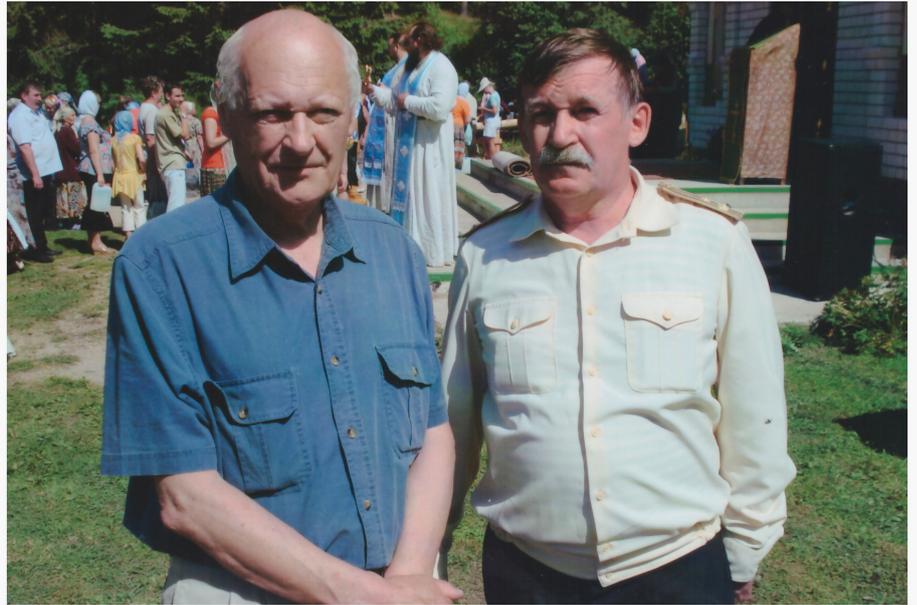
(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 8-9).

всего – на примере русской деревни.. «Много было всего пустого, казённого в той, ушедшей жизни, пишет он, – да разве нынешняя даёт лучшие примеры? Тогда чинов партийный гнёт и неусыпно-казённое око, так мешавшее председателям, колхозам, губившее всякую инициативу, вмешательство в колхозные дела профанов из посёлка, области. Но – было хозяйство, были люди, была техника уже и тогда, позже её уже и много... Были заработки и веры хватало в день завтрашний. Это всё исчезло». В своём краеведческом очерке «Духовность от деревни» я отмечал, что только в Оковецком административном округе стёрты с лика земли многие деревни и хутора. И с возрастающей катастрофической скоростью продолжают исчезать некогда добротные красивые русские деревни. Не стало живописных ухоженных деревень как Ботвиново, Берёзовка, Крюковка, Пустошка-Високос, Бочиновка, Воронино. Г.А. Немчинов вспоминает о близких к Дубровкам деревнях: «Мне очень хотелось увидеть Фролово. Здесь в марте шестьдесят второго года мы заночевали с другом-газетчиком у бригадира Ивана Михайловича, который видел в этих маленьких колхозах большие преимущества и был сильным их сторонником и ревнителем памяти о них: все знали друг друга, старались не отставать один от другого в работе... одна большая семья. Мельница на речке Дубянка, шерстобойня, маслобойня... Проехать-то мы проехали, хотя улица – сплошные колдобины и колтун серой неживой травы. Никто, по впечатлению первому, не ходит, не ездит. Так и оказалось, во Фролово остались три сироты, две старухи и кошка, у которой хозяйка умерла всего несколько дней назад».

Писателя волнует, что обесценилась память о Великой Оте-

чественной войне. Правит рынок с его законами: нажива, конкуренция, тайный и явный разбой. В рынок тайным образом, укрываясь за славными созидательными деяниями предков, уходят крупные и помельче уездные, губернские чиновники, откупая магазины, бензоколонки, маршрутки и прочее, и прочее. «В одном городе – подчёркивает Г.А. Немчинов – мне показали довольно большую улицу, магазины на которой принадлежали чиновнику, тайному бизнесмену: городскому голове».

Геннадий Андреевич раскрывает читателю, что «вечный дом бывает у каждого человека – по рождению, по выбору сердца, по судьбе. Так или иначе, но приходит время и человек говорит себе: здесь мой дом». Вечный дом – это своя земля, Родина, Отечество, Отчизна, Государство, это люди, проживающие под крышей дома своего. Мне вспоминаются два эпизода из моей жизни. Первый связан со срочной службой. Мы сопровождали эшелон с воинским грузом на Балтийский Флот. Эшелон следовал через Селижарово. Остановка была два часа. Вышел я к Селижаровскому вокзалу. Сотовой связи тогда не было. Сердце заколотилось в груди. Вот, кажется, рядом Заозерье, мать, отец, Оковцы, школа друзей.

Подал сигнал гудок паровоза. Замелькали Селижаровские дома, сараи, поля, леса, перелески, и сердце мое не переставало волнительно биться от соприкосновения с малой родиной. Второй эпизод: корабль БПК «Адмирал Октябрьский» пришвартовался к 33 причалу Владивостока после боевой службы. Моряки, сойдя на берег, целовали землю. Так было. Да, было. Никогда мне этого не забыть. Это наша земля. Это наш вечный дом.

Литературное творчество Г.А. Немчинова смело можно сравнить с талантом живописца природы Исаака Левитана. В 1893 году Левитан начал писать одно из своих самых масштабных полотен «Над вечным покоем». Впервые в картине мастера помимо поэтической вечной природы чувствуется философское отношение к бренности человеческого бытия. Под клубящимися свинцово-лиловыми тучами на крутом и пустынном берегу огромной, простирающейся до самого горизонта реки стоит ветхая деревянная церковь. Позади неё укрывают унылый погост сгибающиеся под резкими порывами ветра немногочисленные деревья. А вокруг – ни души, и только тусклый свет в окне церквушки даёт призрачную

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 8-10).

надежду на спасение. Картина полна чувства глубокой тоски, бессилия и одиночества, но очень выразительна точка зрения автора, которая направляет зрителя ввысь, навстречу холодным воздушным потокам.

С трогательной теплотой Геннадий Андреевич описывает селижаровские достопримечательности. Лесные деревушки в глубинах наших необозримых когда-то, да и сейчас ещё не совсем погубленных лесов. Красоты придорожных больших сёл, где когда-то шумели большие ярмарки. Речные, придорожные, озёрные, лесные деревни. Ельцы, Оковцы, Тальцы, Большая Коша, Дружная Горка, Хитицы, Гришкино... Картина жизни и судьбы многих поселений во многом определялись этим их расположением. Это определяло даже и характер их жителей. А перед тем как приступить к работе над книгой, он «развернул у себя дома на столе карту нашего района середины пятидесятых годов, – пишет Немчинов, – Эта карта уже сильно истёрлась, в эти годы я часто сидел над ней, вспоминая одно, другое, прокладывая по ней старые маршруты» Перед глазами ожило, запестрело, наполняясь дыханием, движением, всё, что на этой старой карте было означено полуистершимися от ветхости словами, деревни, старые названия давно исчезнувших колхозов, ленты рек и линии дорог...

Г.А. Немчинов обращается к теме святых мест земли селижаровской, а их немало. Это и старинный древний Селижаровский Троицкий мужской монастырь с загадочной историей. Её никто и никогда не сотрёт, она не только в летописях, она и в памяти народной. Знаменитая Свято-Никольская церковь в русско-византийском стиле в погосте Голенково была одной на весь район, которая не подвергалась осквернению в годы богоборчества. В этом месте душа человеческая будто замирает, обретает неземной

покой, настраивается на вечность. «Мы сами побывали в детские свои годы в Голенковской церкви», – вспоминает Геннадий Андреевич. Погост Горышкино впервые упоминается в летописи в 1335 году. Считается одним из древнейших поселений Селижаровского края. Никольская Горышенская церковь с юных лет покоряла Немчинова своей красотой и легендарной таинственностью. Величественный памятник переходного периода храмовой архитектуры в России на крутом берегу Волги остро нуждается в реставрации. В нынешнем ее состоянии трудно оценить в полной мере эту церковь, слишком большие разрушения претерпела она.

Паломники и патриоты России и земли Селижаровской делают некоторую реставрацию, но она незначительна. Сохранить бы уникальную церковную древность для потомков. Об Оковцах, Оковском лесе и о чуде природы: оковецком святом источнике Г.А. Немчинов пишет с особым чувством.. Сейчас в Оковцы тянутся паломники, туристы со всей ближней и дальней России. Оковцы уникальны своей древней историей. Название «Оковцы» идет от древнего оковского леса. Расцвет и слава места, именуемого «Оковцы», связаны с внезапным явлением чудотворных икон в 1539 году на древнем Пыршенском городище. На месте явления которых, по повелению Ивана Грозного, были срублены две деревянные церкви. Затем в 1750 году было начато строительство каменной церкви. Оковцы это не только всем известные духовные святыни. Это, прежде всего, люди, связанные с этой землей. Фома Козлов, Иван Мосягин – строители Оковецкого собора.

13 октября 1941 года немцы оккупировали Оковцы. Все, что наживалось и создавалось десятилетиями, при отступлении ими было уничтожено и сожжено за несколько дней 19 января 1942 года. 135-я Московская дивизия осво-

бодила Оковцы от немецких захватчиков. В 1952 году в Оковцах образовалась МТС. В марте 1960 года на территории Оковецкого, Хитицкого и Забежинского сельских советов создали гигант совхоз «Оковецкий». Первым директором был П.Ф. Копин. С 1963 года хозяйство возглавил Б.П. Смирнов. Много теплых слов было сказано о Николае Александровиче Кузнецове, который будучи директором совхоза «Оковецкий», нашел мужество и возможность в 1984 году, не избежав партийного взыскания, заменить прохудившуюся шатровую железную крышу над святым колодезем. Первым в районе приз Ротмистрова был вручен механизатору совхоза «Оковецкий» А. Воробьеву. Г.А. Немчинов подчеркивает авторитет, которым пользовался на оковецкой земле врач-хирург Владимир Александрович Пыжиков. В числе героев книги и бывший глава Селижаровского района Алексей Алексеевич Титов. Это по его инициативе сооружена в Селижарове на историческом месте колокольня.

«Вечный дом» Г.А. Немчинова – это книга-летопись, книга воспоминаний, раздумий, размышлений. Это ностальгия о женских послевоенных колхозах и деревнях. Вечный дом. Вечный огонь. Вечная слава. Вечная Волга. Вечный покой. Вечный зов. Вечная боль. Вечная память. Геннадия Немчинова не стало в 2010 году. Убежден, что многогранное творчество этого писателя-патриота актуально и сейчас.

Владимир Карандашов

*доктор философских наук,
профессор,*

член Союза писателей России

На снимках: *Геннадий Немчинов в родном краю; Геннадий Немчинов и Владимир Карандашов. Оковцы. 2003 г.*

Фемида на прежних позициях

В Твери завершилась история со снятием мемориальных табличек, посвященных памяти 6 тысяч поляков, якобы расстрелянных в 1940 году в здании главного корпуса Тверского государственного медицинского университета (ТГМУ). Законность демонтажа досок оспаривало общество «Мемориал» (признано в РФ иностранным агентом в связи с зарубежным финансированием), на этот раз в Тверском областном суде. В отношении апелляции мемориальцев Фемида осталась на прежних позициях, признав снятие мемориальных досок законным.

Версия о «тысячах убитых» появилась во времена правления М.С. Горбачева и слишком охотно была признана официальной. ТГМУ либеральная общественность стала негласно называть «местом на костях» и т.п. Теперь, после неоднократных опровержений, выдвинутых экспертами в области истории, опирающихся на официальные документы, нет никаких сомнений в том, что такие пафосные и громкие заявления ничем не подкреплены и бросают на университет тень.

Кроме того, вновь возникает вопрос об обоснованности установленного в Медном мемориала и тысяч именных табличек польских граждан, часть которых покоятся, как доказали зарубежные археологи, на Западной Украине в могилах жертв фашистов 1941 года.

Музей рыбы в Осташкове

Если более точно, то этот недавно открывшийся в Осташкове авторский музей называется «Музей рыбы и не только». Его создал владелец ранее открытого «Музея забытых вещей» неутомимый художник и дизайнер Игорь Афанасенко. Многие представленные экспонаты в выполнены автором в стиле «стимпан» или «паропанк».

Это направление научной фантастики моделирующее цивилизацию, в совершенстве освоившую технологию и механику паровых машин. Музей располагается на Ленинском проспекте города, и сразу привлек внимание остоашей и туристов своей оригинальностью.

Н. Андреева

Юбилей библиотеки

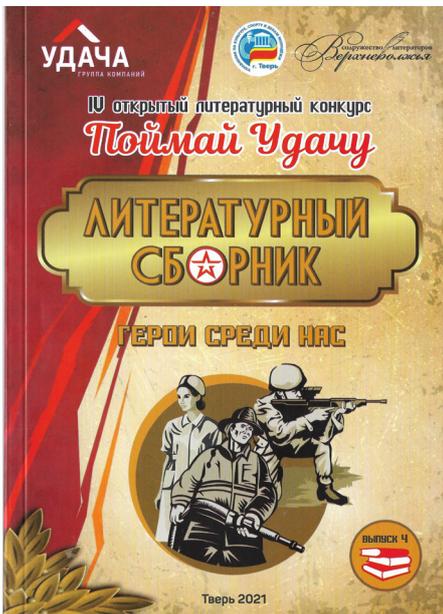
Центральной Жарковской библиотеке исполнилось 75 лет. По этому случаю в библиотеке прошел тематический вечер «В кругу друзей». В нем участвовали читатели, работники учреждений культуры, глава Жарковского района Александр

Белявский. Гости вечера узнали об истории учреждения. Сотрудники принимали поздравления и были награждены почетными грамотами. Украшением вечера стали концертные номера, подготовленные коллективом местного Дома культуры..

• Новые книги

Герои среди нас

«Поймай удачу» этот социально-культурный проект возник

Первый номер нового журнала

По сообщению «АИФ в Твери», вышел в свет первый номер краеведческого и литературно-художественного журнала «Тверское Пушкиновожье».

Тверское Пушкиновожье

по инициативе Группы Компаний «Удача». Благодаря ему творчески одаренные жители Тверской области могут публично заявить о себе. В конце прошлого года завершился 4-й открытый литературный конкурс «Поймай удачу»...

го маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья», который задумывался по аналогии с популярным пушкинским маршрутом в Михайловское Псковской области.

девров, собрал материал для «пёстрых глав» своего стихотворного романа «Евгений Онегин». Бывал также в соседнем имении Берново, где полвека назад трудами и настойчивостью тверского краеведа Г.Я. Ходакова основан ныне действующий музей великого поэта»...

• Редкие песни

Златые горы

«Когда б имел златые горы И реки полные вина, Все отдал бы за ласки, взоры, Чтоб ты владела мной одна».

«Не упрекай несправедливо, Скажи всю правду ты отцу – Тогда свободно и счастливо С молитвой мы пойдем к венцу».

«Не раз, Мария, твою руку Просил я у отца, не раз. Отец не понял моей муки, Жестокий сердцу дал отказ».

Тогда бежать я с ним решила, Поверив клятве роковой, На божий храм перекрестилась, В слезах взглянув на дом родной.

Умчались мы в страну чужую, А через год он изменил, Забыл он клятву ту святую, А сам другию полюбил.

А мне сказал, стыдись измены: «Ступай обратно в дом отца. Оставь, Мария, мои стены, Я провожу тебя с крыльца.

За речи, ласки огневые Я награжу тебя конем. Уздечку, хлыстик золотые Седельце шито жемчугом».

«Не надо мне твоей уздечки, Не надо мне твоего коня, Ты пропил горы золотые И реки полные вина».

Вячеслав Ржеусский

г. Нелидово

Вячеслав Антонович Ржеусский живет в городе Нелидово. Ему исполнилось 94 года. Он до сих пор активен: ходит на лыжах, а летом работает на даче, ходит в лес, под настроение пишет стихи. В разные годы было издано несколько сборников его стихов, в которых – доброта русской души, желание поделиться своим видением мира. Он принадлежит к поколению, чье детство опалила война. И он преодолел это тяжелое время скитания и лишений, сумел получить образование, работал руководителем железнодорожной организации. Вместе с женой Людмилой Яковлевной они вырастили хороших детей.

Будучи человеком доброй души, Ржеусский постоянно признается в любви родной природе и любимому Нелидову. Здесь прошла вся его жизнь. Его стихи учат нас искренней любви к природ, родному краю.

НЕЛИДОВО

Сияет в небе солнце золотое,
Тобой, мое Нелидово, горжусь,
И для меня ты вечно молодое.
Ты – часть России, ты – родная
Руть.

Расти, мой город, радуй нас
красою,

И голубым пусть будет небосвод.
Пускай всегда над древнею
Межою

Весной в садах черемуха цветет.

«СТИХИ БЕРЕЗКЕ ПОЧИТАЮ...»

Я БЕРЕЗЫ ЛЮБЛЮ ЗОЛОТЫЕ

Не нужны мне заморские пляжи,
Край родимый люблю я сильней.
Нет на свете дороже и краше
Наших речек, лесов и полей.

По душе мне делянки лесные
В пору летнего солнца и гроз.
Есть для сердца места дорогие,
В каждой роще свой «Марьян
утес».

Города не нужны мне чужие,
Заграница меня не влечет.
Я березы люблю золотые,
Желтых листьев осенний полет.

ЗИМОЙ

Радует солнце взглядом,
Тучи уходят в тень.
Станет для нас наградой
Ясный декабрьский день.
Снег вдаль искрится,
Блестки слепят глаза.
Воздух морозный чистый...
Дремлют в снегу леса.
В дивные шали одеты –
Иней на ветках лежит.
Снится им жаркое лето,
Время неспешно летит.

ЕЛИ

Я встану пораньше с постели
И в лес по дороге пойду.
Там утром суровые ели
На ветках качают луну.
Как будто художник картины
Рисует умелой рукой...
И в небо стремятся вершины
За самой красивой звездой.
Стоят, по законам природы,
На страже своих рубежей.
Люблю их в любую погоду,
Мне с ними и жить веселей.

БЕРЕЗКА

Под Новый год я в лес пойду,
Деревья зимние мне рады.
Березку белую найду –
Мою любовь, мою отраду.
Ее люблю за красоту,
Всего хорошего желаю,

Осуществлю свою мечту:
Стихи березке почитаю.
Поглажу белый ствол рукой,
Ведь он нисколько не холодный,
Вернусь с улыбкою домой,
Приятной встречей довольный.

ЦВЕТОК

Под ногами замерзший ледок
Мне напомнил: зима наступила.
У тропинки последний цветок,
Мне природа его подарила.
Огоньком среди белых берез
Он зовет в неоглядные дали.
Где в суровый декабрьский мороз
Все деревья волшебными стали.
Загорится под солнцем восток,
Станет в зимнем лесу веселее.
Сохраню я на память цветок.
Я в ладонях его отогрею.

СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Свет далекой и яркой звезды
Тыщу лет к нам торопится кряду.
Нет на свете другой красоты,
Ничего не поставишь с ней рядом.
Повстречаться б с планетой такой,
От землян передать ей приветы,
Как Гагарин, махнув ей рукой...
Нет мечты интересней, чем эта.
Свет далекой и яркой звезды
Нас влечет в безграничные дали.
Воплотятся пусть наши мечты,
Чтоб к Вселенной поближе мы
стали.

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Белая береза-раскрасавица,
Распустила косы в серебре.
Любоваться ею всем нам нравится
Даже в зимний холод в декабре.
Рядом с ней стоишь и улыбаешься –
До чего ж березка хороша!
Стан под ветром медленно
качается,

Сколько в ней и тайн и
волшебства!

Ничего с собою не поделаю:
По лесам и шум, и треск, и звон.
В дальний путь зовут березы
белые.
С малых лет в природу я влюблен.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Ольга Сорокина

Родилась в Донбассе 12 марта 1954 г. Окончила Новгородский Государственный педагогический институт. 35 лет преподавала русский язык и литературу в средней школе гарнизона Хотилово-2. В настоящее время является корректором вышеволоцкого издательства «Истоки». Член «Содружества литераторов Верхневолжья». В настоящее время проживает в Твери. Победитель многих конкурсов.

Изящно листья слетают,
Изысканны и легки,
А мы с сентябрём играем
Для вас в четыре руки.

* * *

Остатки солнца собрав в ладони,
Вдыхаю сумерки полной грудью,
Иду, чернея на белом фоне,
По бездорожью и по безлюдью.
Я, опоздав на свиданье с солнцем,
Несу в карманах лучей осколки.
Храню их бережно, как червонцы,
Как золотые шары на ёлке.
Иду-бреду по своей орбите,
У ветра встречного под прицелом.
И нет, наверно, как ни ищите,
Меня счастливее в мире целом.
Играют белыми жемчугами
Крупницы снега – простор и воля!
И незатейливым оригами
Темнеют ёлки по краю поля.
С небес украдкой сползает вечер,
Закат лениво в рассвет уходит.
А завтра снова назначит встречу
Мне солнце зимнее на восходе.

СЕНТЯБРЬСКИЙ АНСАМБЛЬ

Наполнив любовью сердце,
Поправ суету и вздор,
Сентябрь исполняет скерцо
В тональности до минор.

Под музыку кружат листья,
Маэстро благодаря.
И столько осенних истин
В мелодии сентября!

Я жадно листаю ноты,
Достойный ищущ сюжет –

Так хочется мне хоть что-то
Сыграть сентябрю в ответ.

А он, золотой, багряный,
Кленовый мой визави,
На ветреном фортепьяно
Играть со мной норовит.

И я бесконечно рада
Гармонии бытия.
Созвучиям листопада
Открыта душа моя.

Ксения Маркова

Родилась в 1984 г. в Москве, с раннего детства живёт в Твери. Окончила биологический факультет Тверского государственного университета. Кандидат биологических наук. В настоящее время является сотрудником Тверского колледжа культуры им. Н.А. Львова. Член литературного объединения «Рассветная звонница», член областной творческой ассоциации «Содружество

литераторов Верхневолжья». Автор книг стихов «Я падаю вверх», «Тридцать пятый лист календаря». Лауреат молодежной литературной премии «Родник» им. Е.И. Сигарёва (2013).

КАРАНТИН

С.К.

Выставка вставленных в рамы
оконные уныло-серых картин.
Этой весной даже солнце
бездомное закрыто на карантин.
В несколько улиц всего расстояние
– словно два полюса у Земли.
А во дворах у нас одновременно
нежные ландыши зацвели.
Я пытаюсь тебя отыскать во снах,
считая «один-два-три»,
Как в лампадке, сберечь в четырёх
стенах твой свет у себя внутри,
Дождаться открытых дверей и рук,
без страха смотреть вперёд.
Планета делает новый круг, и
солнце над ней встает.

* * *

СК. на 40 дней(1.01.2021)

Мой город в украшеньё
новогоднем
Старается раскрасить жизни прозу.
У Вас нарядно в Царствии
Господнем?
Там дети пишут Дедушке Морозу?
Здесь завлекают яркие витрины.
Здесь множество вопросов без
ответа.
Там ангелы разносят мандарины
Среди уютно-елочного света?
Здесь год разбитым шариком
стеклянным.
Здесь сорок дней свет дарят только
свечи.
Шепчу я небесам обетованным:
«Скучаю. Обнимаю Вас. До
встречи».

